

Сам он не мог объяснить почему, но ему до дрожи хотелось увидеть, как с лица Лоу Чжання слетит маска невозмутимости, как он потеряет всякий лоск — от одной этой мысли Ши Гуана охватывало нездоровое возбуждение.

Что именно происходило в «Большой Медведице», Ши Гуана не особо волновало — в прошлой жизни он уже всё видел. Сейчас его мысли были заняты лишь тем, как в будущем сорвать маску с Лоу Чжання. И желательно так, чтобы тот прошел через все круги ада: от великого горя до неистового восторга. От предвкушения по коже бежали мурашки, а ноги, закинутые одна на другую, не могли найти покоя, постоянно меняясь местами.

Ма Кай наконец не выдержал. Придвинувшись ближе, он прошипел сквозь зубы:

— Чего ты дёргаешься? У тебя что, простатит?

Ши Гуан бросил на него косой взгляд, прикусил костяшку большого пальца и замер.

Их ночные походы в кино никогда не ограничивались одним лишь просмотром фильма: бар, караоке, шашлычная — обязательная программа «всё включено». После сеанса Лоу Чжань попрощался и ушел. Удержать его не удалось, и Ши Гуану пришлось всю ночь развлекать убитого горем Ма Кая. Когда они вернулись в общежитие, оба едва держались на ногах от выпитого и, не обращая внимания на запах алкоголя, тут же рухнули спать.

Именно в эту ночь, в разных уголках города, произошли два события, которые предопределили будущее Ши Гуана.

Подготовка к кастингу фильма «Шанчуань» шла полным ходом. Исполнителей главных ролей обычно утверждали в самом начале, так что с ними проблем не было. Зато вокруг ролей второго и третьего плана плелись бесконечные интриги: то это младшая сестра инвестора, то дочь продюсера, то любимый ученик старого друга режиссера. В наше время режиссер должен был не только уметь снимать кино, но и мастерски лавировать в мире связей — только позаботившись обо всех важных персонах, можно было рассчитывать на успех следующего проекта.

Цзэн Цзяньсю просидел до часу ночи, пока наконец не утвердил пятерку главных актеров. Вся съемочная группа облегченно вздохнула, потирая покрасневшие глаза и с надеждой поглядывая на режиссера: стоило ему кивнуть, как все тут же разбежались бы по кроватям.

— На этом и порешим? — Цзэн Цзяньсю отпил крепкого чая и небрежно взял стопку документов, лежавшую с края стола.

Это были анкеты второстепенных персонажей. Вникать в них лично не требовалось, достаточно было беглого просмотра перед финальным утверждением. Раньше он никогда не придавал этому значения, но, дойдя до середины, вдруг вскинул брови. В недоумении он вернулся на страницу назад, еще раз взглянул на фото и уже собрался что-то сказать, как помощник режиссера, отвечавший за пробы на роль Ху Фэйбая, поспешно произнес:

— Режиссер Цзэн, я упоминал вам за ужином: на роль Ху Фэйбая есть два подходящих кандидата. Мы не смогли решить, кого выбрать, так что последнее слово за вами.

— Что там? — Цзэн Цзяньсю, держа в одной руке чайную кружку, дважды пролистал соседние анкеты. Его взгляд задержался на фотографии Ши Гуана, после чего он поднял голову.

Помощник режиссера, перегнувшись через стол, указал пальцем на снимок:

— Оба из Академии киноискусств, играют неплохо. Особенно этот пухляш — он передал характер Ху Фэйбая просто поразительно, идеально попал в наш образ.

Цзэн Цзяньсю многозначительно хмыкнул:

— Раз вы сочли его толстым, то решили подсунуть мне кого-то посимпатичнее? Послушайте, у нас вся группа набрана по одному шаблону, глаз уже замылился. Пусть будет кто-то попроще, для контраста, это добавит глубины. Не усложняйте, берем этого.

— Нет, — помощник не посмел перебить режиссера и лишь после его слов добавил: — Но этот парень тоже играет неплохо... нет, даже отлично, а внешность у него яркая, поэтому...

Цзэн Цзяньсю не понял:

— В чем смысл?

— Просто его трактовка немного расходится с нашим определением персонажа.

— Рассказывай, — заинтересовался режиссер.

Помощник принялся объяснять, явно симпатизируя Ши Гуану, но, заметив, что лицо Цзэн Цзяньсю становится всё более скучающим, осекся и замолчал.

Цзэн Цзяньсю нахмурился:

— Нынешняя молодежь совсем страх потеряла. Еще даже диплом не получили, а уже начинают диктовать условия. Кто дал ему право менять сценарий?

— Он не менял, он просто... — пробормотал помощник.

Режиссер сверкнул глазами:

— Терпеть не могу таких выскочек, которые считают, что если у них есть талант, то правила писаны не для них. Ладно, допустим, он изменил этот кусок, а что потом? Как сочетать такой дерзкий характер с мрачной натурой героя? Глупости!

Помощник притих, мысленно сочувствуя Ши Гуану.

Цзэн Цзяньсю поставил точку:

— Решено, берем этого пухляша. Как его... а, Сюй Цзюньцзе, вот его и...

— Пойдите, режиссер Цзэн. — Женщина, проводившая кастинг вместе с помощником, прервала его. В отличие от утреннего бодрого вида, она выглядела изможденной, но глаза её горели. Сжав губы, она упрямо произнесла: — В этом парне есть дьявольское обаяние.

Дьявольское обаяние!?

Помощник ошарашенно уставился на неё: «Сестренка, ты сейчас серьезно?»

Цзэн Цзяньсю молчал. Женщину звали Ван Фэй, она была свояченицей продюсера. В группе она не играла, а якобы училась снимать кино, целыми днями слоняясь без дела. Выгнать её было нельзя, приходилось даже улыбаться при встрече.

— Фэйфэй, что ты имеешь в виду?

Ван Фэй и сама понимала, как странно это звучит. Собравшись с мыслями, она объяснила:

— С тех пор как я увидела его утром, у меня из головы не выходят его глаза. Впервые в жизни я вижу такие глаза, они словно крючки.

Цзэн Цзяньсю и помощник молча уставились на фото в анкете: Ши Гуан широко улыбался, демонстрируя белоснежные зубы. Симпатичный, конечно, но «глаза-крючки»? Мы что, по-вашему, слепые!?

— Вы, мужчины, ничего не понимаете! — Ван Фэй не побоялась возразить. — Фильм ориентирован на женскую аудиторию. Мы выбираем актеров утонченных или солнечных, а Ши Гуан — совершенно другой типаж. В его красивом лице есть что-то острое, цепляющее. Поверьте, падший бессмертный Ху Фэйбай в его исполнении будет великолепен. — Она выждала момент и добавила: — Я сегодня связалась с автором оригинала, он согласился переписать роль под него. Сценаристы тоже обещали поработать сверхурочно, так что график не пострадает.

Цзэн Цзяньсю окончательно сдался. Он искренне не понимал упорства Ван Фэй, но раз уж она взяла на себя все хлопоты, а роль всё равно второстепенная, спорить не было смысла.

— Ладно, раз ты так настаиваешь, пусть будет он.

Ван Фэй облегченно выдохнула и просияла.

Цзэн Цзяньсю даже не подозревал, что, согласившись, он дал зеленый свет тому, чтобы Ху Фэйбай, благодаря стараниям Ван Фэй, получил куда больше экранного времени, чем планировалось.

«Сказка» была известным баром в городе Н. Отличное расположение, талантливые артисты и тематические вечеринки привлекали толпы завсегдатаев. Особенно по выходным здесь не было свободных мест.

В одной из кабинок сидели трое парней и две девушки. Парни в грубой, модной одежде, девушки — в вызывающих нарядах. Под грохот рока они напивались до такой степени, что от их обычного высокомерия не осталось и следа. Стоило заметить, что в это время в «Сказке» кабинки занимали только те, кто был на короткой ноге с владельцем, — люди в городе Н не последние.

Когда рок-группа закончила выступление и на сцену вышла певица в облегающем платье с пайетками, затянув хит семидесятых, Шан Хун наконец не выдержал и с грохотом опустил бокал. На его лице отразилось раздражение.

— Что такое? — улыбнулся тридцатилетний мужчина, сидевший рядом. — Чего скис? Я же сказал: найду время и разберусь с этим Ши Гуаном. Ты просто учись, роль, которую ты присмотрел, уже за тобой. Скоро станешь звездой.

— Понял, спасибо, брат Юнь, — сухо ответил Шан Хун и пригубил пиво. Ему казалось унижительным просить кого-то разобраться с личными делами, если бы не выпитое, он бы не стал этого делать.

— Кстати, — брат Юнь убрал руку с плеча своей спутницы и подался вперед. — Малой, твой отец хочет, чтобы ты сосредоточился на учебе. Не вздумай сказать, что это я тебе помогаю, а то опять будет нотации читать.

— Не волнуйся, я ничего не скажу, брат Юнь. — Шан Хун улыбнулся, но, заметив, как спутница брата Юня строит ему глазки, с отвращением отвел взгляд. Старая размалеванная баба, в подметки не годится Тянь Сыюй. И как только брат Юнь с такой связался? Шан Хун поднялся: — Поздно уже, я в общежитие.

— Давай я кого-нибудь пришлю тебя подбросить? — предложил брат Юнь.

— Я на такси, — ответил Шан Хун. Выходя, он заколебался: может, остановить брата Юня? Но передумал. В конце концов, ничего страшного не случится, ну побьют Ши Гуана, не калекой же он станет. Да и Тянь Сыюй говорила, что этот тип прилип, как банный лист, постоянно воображает себя её парнем. Пусть проучат.

Ши Гуан забыл, что выносливость к алкоголю тоже нужно тренировать. Он пил, как в прошлой жизни, и в итоге так набрался, что не помнил, как дополз до общежития. Спал он без задних ног. А когда очнулся, первым, что он увидел, было лицо Лоу Чжана, которое, казалось, занимало всё пространство перед глазами и выражало крайнюю степень раздражения.

— А! — Ши Гуан вздрогнул. В одно мгновение он переключился из режима сна в режим полной боевой готовности, сел на кровати и вытаращил глаза. Спросонья он даже не сразу понял, что это Лоу Чжань стоит перед ним, отодвигает полог кровати и хмуро смотрит сверху вниз.

Лоу Чжань от неожиданности сам слегка отшатнулся. Помолчав секунду, он произнес:

— Твой телефон звонит уже полчаса.

Ши Гуан пришел в себя, достал из-под подушки телефон: четыре пропущенных, три из них с одного и того же незнакомого номера. Проводив взглядом уходящего Лоу Чжана, он хрипло пробормотал «спасибо» и перезвонил.

На другом конце провода раздался звонкий женский голос:

— Наконец-то! Я уж думала, номер записала неверно и придется звонить в академию.

Голова Ши Гуана еще гудела, но он прочистил горло и постарался звучать бодро:

— Кто это?

— Съёмочная группа «Шанчуани». Поздравляю, пробы пройдены. В следующую среду до одиннадцати утра ждем вас в комнате 1806 в «Чжухуань» за сценарием, заодно сделаем пробные фото.

— Прошел! — Ши Гуан радостно распахнул глаза, сон и похмелье как рукой сняло. Но последняя фраза заставила его замереть: — Пробные фото? Разве их делают не только исполнителям главных ролей?

— Сказано прийти — приходи, не задавай глупых вопросов, — раздраженно отрезала собеседница. — Никогда не видела таких безответственных! Мы же обещали сообщить в течение трех дней, а ты трубку не берешь. Напился, что ли?

Ши Гуан не посмел признаться:

— Вы ошиблись, я просто бегал утром, телефон оставил, только сейчас увидел. Сестра, как к вам обращаться?

— Ван Фэй. — Она назвала имя коротко и ясно.

Ши Гуан заискивающе рассмеялся:

— Сестра Ван, спасибо за заботу! Даю слово, завтра буду вовремя. Хочу увидеть, какая прекрасная сестра мне так помогает — по голосу чувствуется порода. Куплю вам мороженого, сколько захотите, не стесняйтесь!

— Ну ты и лис! — хотя она и ворчала, в голосе слышалась улыбка. — Только не опаздывай, режиссер Цзэн ненавидит непунктуальных актеров.

— Гарантирую! Обязательно! Будет исполнено! — Ши Гуан выпячивал грудь на каждом слове, чуть ли не отдавая честь.

В трубке раздался смех, и разговор закончился.

Ши Гуан обмяк и выдохнул. Подняв голову, он увидел, что Лоу Чжань уже вернулся и смотрит на него с нечитаемым выражением лица, а через секунду отвернулся к компьютеру.

Ши Гуан почему-то отчетливо разглядел в глазах Лоу Чжаня презрение. Вспомнив, какой ерунды он наговорил по телефону, он втянул голову в плечи и скривился.

На самом деле, Ши Гуан никогда не был льстецом. Он был гордым и всегда считал, что добьется всего своим талантом. Но один раз обжегшись, он понял: гордость — штука бесполезная. Всегда найдется кто-то выше, и если ты не правитель мира, то всегда будешь зависеть от чужого мнения. Чтобы пробиться в шоу-бизнесе, нужно уметь приспосабливаться и иногда проявлять гибкость.

Ши Гуан злобно уставился в спину Лоу Чжаня, думая про себя: «Конечно, тебе легко, шоу-бизнес для тебя — личный сад, тебе не понять, как другие зубами прогрызают себе путь вверх».

Лоу Чжань не оборачивался. Попялив на него, Ши Гуан заскучал. Посмотрел на часы: без пяти девять, солнце еще не встало. Он решил, что его слова о тренировках — не просто отговорка. Чтобы преуспеть, в начале пути нужно опираться на внешность, поэтому тело должно быть в форме. Ему не нужны были огромные мышцы, как у западных актеров, или слишком хрупкое телосложение — достаточно было здоровой, гармоничной восточной формы.

Сказано — сделано. На следующее утро в шесть часов прозвенел будильник. Ши Гуан быстро его выключил, но всё же разбудил соседа. Ма Кай пробормотал:

— Кто тебе звонит в такую рань, больной что ли?

Ши Гуан виновато улыбнулся, извинился и на цыпочках вышел. На улице его встретил свежий утренний воздух, от которого, казалось, очистилось всё внутри.

В кампусе было тихо, небо едва светлело, горели фонари. На стадионе, к его удивлению, уже были люди. Ши Гуан пробежал два круга и заметил Шан Хуна. Вспоминая прошлое, он признал, что экранный образ Шан Хуна действительно был здоровым и солнечным. После того как он прославился, он рекламировал шампунь, демонстрируя идеальный пресс. Видимо, такая форма — результат постоянных тренировок.

Но Ши Гуан терпеть не мог в Шан Хуне то, что никак нельзя было изменить: тот был неестественно бледным, до жути.

На самом деле, они почти не общались. Встречались только на общих занятиях, но почти не разговаривали. И после того, как в прошлый раз они разругались, Ши Гуан чувствовал от него явную неприязнь.

Сделав еще круг, он столкнулся с Шан Хуном на прямой дорожке. Ши Гуан с каменным лицом решил пройти мимо, но отчетливо услышал, как тот насмешливо хмыкнул. Резкий звук резанул по ушам. Ши Гуан остановился, преградил ему путь и холодно спросил:

— Подраться хочешь?

— Подраться? — Шан Хун усмехнулся, оглядывая его с ног до головы. — Ты не вывезешь.

— Можешь попробовать, — ответил Ши Гуан.

Шан Хун питал к нему, скажем так, сильную неприязнь. Если бы дело было только в Тянь Сыюй, это было бы понятно. Но Ши Гуан чувствовал в его отношении еще и глубокое презрение, причину которого не мог понять.

Конечно, Ши Гуан не догадывался, что на самом деле именно Шан Хун был главным объектом интереса Тянь Сыюй.

Шан Хун был из города Н, его семья была замешана в темных делах, и влияние их было велико. Но в последние годы власти закрутили гайки, и семья решила «отмыться». Шан Хун поступил в киноакадемию, чтобы в будущем легализовать семейные деньги. В прошлой жизни у него была своя студия, он стал акционером компании Лоу Чжэня, владел огромными ресурсами и в итоге спас семью от краха, став высокопоставленным бизнесменом.

А Тянь Сыюй благодаря ему закрепилась в индустрии. Даже тот первый фильм, в котором она снялась, был её дебютом благодаря Шан Хуну. Вот почему, когда она стала главной героиней, весь кампус шептался, что Ши Гуан — «жаба, возжелавшая лебединого мяса».

Тогда еще наивный Ши Гуан был раздавлен этими слухами. Теперь-то он понимал, что всё это было срежиссировано: Тянь Сыюй направляла общественное мнение, а за кулисами дергал за ниточки Шан Хун.

Ши Гуан не понимал всех тонкостей, но прекрасно считывал выражение лица противника. С прошлой жизни он ненавидел, когда к нему относятся свысока. В этой жизни он немного умерил свою гордыню, но только ради нужных людей. А перед такими, как Шан Хун, он улыбаться не собирался.

Семья Шан Хуна была из тех, кто привык решать вопросы кулаками. Шан Хун, хоть и был в четвертом поколении, впитал всё это с молоком матери. Раздраженный провокацией, он толкнул Ши Гуана.

Ши Гуан не обладал большой физической силой, но прожил на несколько лет больше и стал спокойнее. А когда голова холодная, даже в драке можно бить точно в цель.

<http://bllate.org/book/25613/3054535>